

Лимерова Валентина Александровна

"ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ ОТ УСТЬ-СЫСОЛЬСКА К ВИШЕРСКОМУ СЕЛЕНИЮ" А. ПОПОВА КАК ЖАНРОВАЯ МОДЕЛЬ ТРАВЕЛОГА В КОМИ СЛОВЕСНОСТИ XIX В.

В статье рассмотрены жанровые особенности "Путевых заметок от Усть-Сысольска к Вишерскому селению" А. Попова - произведения, относящегося к начальному этапу становления повествовательных жанров в литературе Коми края XIX в. Анализ текста позволил выявить жанровые черты, характерные для научно-художественной разновидности путевой прозы, и особенности их преломления в региональной коми словесности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2008/1-1/39.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2008. № 1 (1): в 2-х ч. Ч. I. С. 119-123. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2008/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

«ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ ОТ УСТЬ-СЫСОЛЬСКА К ВИШЕРСКОМУ СЕЛЕНИЮ» А. ПОПОВА
КАК ЖАНРОВАЯ МОДЕЛЬ ТРАВЕЛОГА В КОМИ СЛОВЕСНОСТИ XIX В.¹

Лимерова В. А.

Институт языка, литературы и истории Коми научного центра
Уральского отделения Российской академии наук

Статья рекомендована к публикации д.ф.н., проф. Пахоруковой В. В. и к.ф.н., с.н.с. Уляшевым О. И.

В статье рассмотрены жанровые особенности «Путевых заметок от Усть-Сысольска к Вишерскому селению» А. Попова - произведения, относящегося к начальному этапу становления повествовательных жанров в литературе Коми края XIX в. Анализ текста позволил выявить жанровые черты, характерные для научно-художественной разновидности путевой прозы, и особенности их преломления в региональной коми словесности.

Коми литература - одна из древнейших в содружестве финно-угорских литератур России. Ее возникновение относится к концу XIV в. и связано с деятельностью православного миссионера Стефана Пермского, который, по свидетельству его современника и биографа Епифания Премудрого, «не токмо бо святым крещением просветил» пермян, но «азбуку сложил есть един» и «грамоту створил есть» [Премудрый 1995: 188]. На протяжении четырех столетий коми письменное слово являлось переводным и имело прикладной, по преимуществу, религиозно-просветительский характер. Лишь в XIX в. появляется ряд публикаций светского содержания, свидетельствующих о появлении у коми оригинальной словесности.

При общем обзоре корпуса текстов, которые можно отнести к начальному этапу формирования светских повествовательных жанров в коми литературе, нельзя обойти вниманием обилие путешествий: путевых записок, дневников, «прогулок», заметок или «замечаний», рассказов о дорожных происшествиях, описаний научных экспедиций и поездок по святым местам. Это «Плавание по Сухоне» И. Титова (1841), «Дневник Василия Николаевича Латкина во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 годах» (1853), «Тотьма. Путевые замечания в 3 письмах» Г. Лыткина» (1853), «Прогулка по Княж-Погосту» П. Богданова (1853), «Поездка в Соловецкий монастырь» (1854) М. Истомина, «Поездка в Устьсысольск» В. Кичина, «В захолюстье: из путевых заметок» М. Куклина (1882) и др. Принадлежат к числу первых литературных опытов местной интеллигенции, каждый из этих текстов представляет огромную ценность и, в идеале, должен быть учтен при воссоздании полной картины литературного пробуждения Коми края. Принимая во внимание, что литературной традиции на стадии ее становления характерна апелляция к жанру, в качестве основного принципа изучения названных текстов объективно может быть выдвинут жанровый. В пределах данной статьи предметом нашего внимания являются жанровые свойства одного из наиболее ярких в коми словесности середины XIX в. травелога - «Путевых заметок от Усть-Сысольска к Вишерскому селению» А. Попова. С самого начала заметок их автор, он же путешественник, проявляет свою осведомленность о принципах построения травелога. Согласно традиции литературы путешествий, он указывает маршрут своего странствия в заглавной части произведения и, прежде чем начать рассказ о своих дорожных приключениях и впечатлениях, информирует читателя о месте назначения и цели своего пешего перехода до Вишеры: «Давно хотелось мне посетить это место, сколько для поклонения святынь, столько и для того, что селение Вишерское, по местоположению, отдаленности от главной дороги и по другим отношениям, казалось мне любопытным» [Попов 1848]. Как видим, в зачине присутствует еще один, привычный для травелога мотив, который явно формирует жанровые ожидания читателя. Он связан с разновидностью самого странствия и определяется рассказчиком как сочетание двух видов путешествия - паломничества («для поклонения святынь») и своего рода индивидуального «просвещения» («казалось мне любопытным»). Из последнего замечания следует также то, что путь, который предстоит проделать рассказчику, ему не знаком и, кажется, будет совершен впервые. Таким образом, в тексте актуализируется и такой обязательный атрибут путевых жанров как передвижение по неизвестным или малоизвестным странам и землям.

Однако, очень скоро создается впечатление о предварительной и довольно внушительной осведомленности рассказчика о местности, по которой путешествие совершается. Придорожная действительность в тексте произведения явлена в конкретных событиях и картинах, но кажется, что рассказчику-путешественнику этого недостаточно. Любое происшествие или встреча с кем-либо из местных жителей, топографическая деталь или смена погоды, название местности или внутреннее обустройство зырянской избы - словом, каждый новый объект, удостоенный внимания, сопровождается комментарием рассказчика, становится толчком, отправным пунктом для его рассуждений, явно претендующих на научный характер. Примером могут служить лингво-географические толкования названий деревень, расположенных по маршруту следования к Вишерскому селению: «Солнце склонялось уже к вечеру, когда мы вышли из города Усть-Сысольска по дороге, ведущей к деревне Визябож, единственной по этому направлению, в 25 верстах, где предназначили себе ночлег... Деревушка Визябож названа во имя двух зырянских слов: визь - линия, полоса, черта (плёс) и бёж - хвост, мыс, берег, выдавшийся в реку. Название это совершенно согласно с местностью: река Вычегда от деревни по течению заметно имеет прямое направление, а самая деревня расположена ... на выдавшемся в реку небольшом мысу». Иногда к своим объяснениям топонимов автор добавляет народное мнение, но тут же придает ему ореол необязательности, сомнительности, выдвигая на первый план авторитет учености и

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ, грант № 08-04-41402 а/с.

собственную принадлежность к ней: «Пройдя версты две по линии дороги, начали показываться значительные высоты, одетые зеленью в полях, засеянных хлебом. Отсюда начиналось селение Корткерос... Название этого селения составлено из двух зырянских слов: *корт* - железо и *керос* - высокая, крутая, из твердаго грунту земли состоящая гора. Так оно называется в письменности, но имеет другое, обыкновенное название: *киа* - с руками, с рукавом. И то, и другое впрочем соответствует местности... Есть еще предание, *коему однако мало верят*, что давно, когда еще здесь начиналось только поселение, там, где теперь залив, называемый железным (*корт вис*), жил какой-то старик «железные руки». Примечательно, что и в случаях с «непрозрачными» названиями, рассказчик стремится прояснить их для своего читателя, ни разу не отступив от установленного им самим же правила. Некоторые из таких комментариев, с точки зрения современной науки, наивны, излишне гипотетичны, но прекрасно отражают знание автором местного материала, исследовательскую направленность его мысли, а вместе с нею и самого путешествия: «... рано поутру мы пришли в деревню Сторожевскую, по зырянски Шойнаты, от слов: *шой* - труп, мертвечина и *ты* - озеро, и следственно значущее труповое озеро... Странное зырянское название этой деревни долго занимало меня. Прямо ея, на другой стороне Вычегды, верстах в 3-х от берега находится озеро - *ты*; но по какому случаю с этим предметом соединено слово: *шой* - труп, любопытства моего никто из тамошних жителей не удовлетворил. Может быть, в этом озере утонули какие-нибудь промышленники во время рыбной ловли; или может быть, когда-нибудь погружали туда трупы человеческие. Последнее предположение не без основания. Дальше деревни Сторожевской, вверх по Вычегде, есть селение Устькуломское, называемое по-зырянски *Кулём* - *дін* и значущее по-русски: близ смерти, смертоносное, зараженное, от слов: *кулём* - смерть и *дін* - у, близ, при. Название этого селения дает вероятную мысль, что там когда-то свирепствовала зараза, и трупы умирающих бросаемы были в реку, которая течением своим уносила их до деревни Сторожевской. Здесь жители, дабы пресечь распространение заразы далее, сторожили их, и перехватывали, погружали в близ находящееся озеро. По этому обстоятельству согласно будет зырянское и русское название деревни Шойнаты - Сторожевское».

Временами путешественник вовсе отклоняется от непосредственного описания действительности и переходит к пространным рассуждениям, имеющим научные притязания. Впрочем, необходимо отдать должное автору записок и как писателю: он заботится о том, чтобы взглянуть на зырянский мир с точки зрения современного ему знания, но никогда не переходит к ученым рассуждениям без сюжетной мотивации. Так, прибыв в деревню Пезмог, путники располагаются на отдых в доме приходского священника, который «по окончании учения... поступил на родину... с целью посвятить труды и деятельность свою духовному просвещению своей паствы, а в свободное время на занятие по изучению зырянского языка, самих зырян, их истории и того края, где они ныне живут». «Разговаривая о зырянском языке, - отмечает путешественник, - мы заметили, что большая часть имен в нем односложны и коренных слов больше, нежели производных, «напротив, глаголы избобилуют двухсложными и трехсложными словами, вовсе нет многосложных, равно как и отвлеченных понятий», «при том множество имен и глаголов звукоподражательных» и т.д.. Характерные научные обороты речи, избыток языковедческой терминологии на время переводят текст в другое стилевое поле, но, в целом, такие отрезки не автономизируются, не создают ощущения вставных фрагментов, т.к. предварительно обуславливаются каким-либо сюжетным ходом, в нашем примере - нечаянной встречей с образованным священником.

Такое равновесие между теоретизированием и рассказом о живой, очевидной реальности сохраняется на всем протяжении записок. И все же при знакомстве с ними не раз создается ощущение иллюстративности отобранных для описания локусов природной и социальной действительности по отношению к уже готовым, заранее оформившимся у рассказчика представлениям о зырянах и зырянском крае. Это свойство текста, с нашей точки зрения, и становится определяющим для его жанрового оформления. Вернемся к тому, с какой целью совершается путешествие. Как утверждает автор, из любопытства, т.е. собственного просвещения. Значит, справедливо думать, что записки должны включать рассказ о новом, впервые увиденном и узнанном. Доля же таких эпизодов, которые участвуют в создании новизны впечатлений рассказчика, незначительна. Мотив «первооткрытий», свойственный познавательному путешествию, для автора рассматриваемых «Путевых заметок...» как бы не актуален, снят. Изображение, анализ, оценка жизненных реалий направлены не столько на умножение собственного знания, сколько на просвещение читателя, предположительно не так близко знакомого с географией, природой, населением зырянской провинции, как сам автор-рассказчик. Последний фактически занимает позицию экскурсовода, который стремится дать объективные, научные представления о зырянском крае, но непременно на основе личных впечатлений экскурсанта-читателя. Любопытно, что и в самом произведении есть персонаж-экскурсант - это спутник рассказчика, который как раз впервые проделывает путь от Устьысыольска до Вишеры. Это ему рассказчик объясняет значение зырянских приветствий, с которыми обменивается по дороге со встречными; для него переводит афористичные реплики местных жителей («Буквальный перевод этого разговора с зырянского языка на русский заставил улыбнуться моего спутника: «вот сказал он, - простота оригинальная!»), это его присутствие композиционно оправдывает информативность текста, мотивирует научные экскурсии путешественника.

Особенно показательны те фрагменты, в которых живая действительность приобретает черты демонстрационного материала. Музейным экспонатом выглядит «внутреннее расположение зырянской избы», в описании рассказчика безлюдного, несмотря на присутствие в ней крестьян: «... с правой стороны со входу половину избы занимала глиняная печь без дымовой трубы, с противоположной - в углу на маленькой полке

стояли св. образа, почерневшие от дыму и пыли, так что трудно бы было добраться значения их изображения, четыре маленькие, четверугольные отверстия в стене с лицевой стороны, заменяя окна, служили слабыми проводниками дневного света; в оконичные рамы вставлены мелкие обломки тусклых стекол; некоторые из этих рам обтянуты бычачьим пузырем, или лоскутками холста (зимой с наружной стороны в окна замораживается прозрачный толстый лед), над окнами кругом тянулись узкие полки, на коих все находилось, что должно быть под рукой: от берестяной табакерки и щетинной чесалки до ключа, за коим хранится крестьянское богатство, выше полок бревенчатый, лоснящийся, как под лаком, черный потолок, который будто погребальный балдахин, осеня грязный, заваленный всякого рода сором, пол из широких пластин; ниже окон утверждены в стенах длинные деревянные лавки, а около продолговатого стола в переднем углу, против образов, расположены скамейки; к печи пристроено из толстых досок подполье, называемое голбец; - это - кладовая, где у хозяйки хранятся всякая домашняя посуда и припасы на ежедневное употребление; наконец неперемнная принадлежность каждой зырянской избы - над печкой в стене окно, для освещения верхних частей избы, и особенно печки».

Да и сами жители этого дома представлены в тексте путешествия лишь как исполнители воли рассказчика, желающего в деталях рассмотреть и описать традиционную зырянскую одежду. «С приказом нашим выступили на середину избы двое мужчин. Один из них был пожилых лет, в рубашке из толстого холста с косым воротником, подпоясанный тканым из шерсти поясом, на котором спереди висел кожаный маленький кошелек. В него вкладывается суконный мешочек с несколькими отделениями для хранения огнива, кремня, труту, серных спичек и иголки с ниткой. Принадлежность эта зырянского костюма, называемого у них: бива вотлук, от слов: би - огонь и вотлук - мешочек, у каждого порядочного зырянина необходима. Рядом с ним стоял мужчина средних лет, одетый в короткий, суконный из белой шерсти кафтан, подпоясанный кожаной, в три пальца ширины, тесьмой, на коей с одного боку висел на железной винтообразной скобе топор, а с другого в деревянном футляре, обтянутом кожей, длинный нож, в руках он держал вместо шляпы, суконную четверугольную сшитую ермолку, обувь у него состояла из суконных чулков и не выделанной кожи, обтянутой около ступней снурками; она спереди оканчивалась острым носком как старинные башмаки; обувь эта легка и покатна, а для того чтобы не прижимала мокроты, ее напительвают смолистым раствором. По зырянски она называется чуткѳм, от слов: чут - остроконечие и кѳм - обувь». С первой фразы этого фрагмента («с приказом нашим выступили») крестьяне как бы лишаются собственной воли, а далее и телесности, воспринимаясь лишь в качестве экспонатов. Этот прием явно усиливает «экскурсоводческую» позицию рассказчика одновременно и по отношению к объекту описания - крестьянам, и по отношению к его «доброму товарищу», олицетворяющему собой адресата записок, тем самым воплощая еще одно жанровое свойство этого типа произведений - адресность.

Поскольку текст записок полностью организован точкой зрения путешественника, огромное значение приобретает его автопрезентация. Автор-рассказчик умалчивает свою национальную и сословную принадлежность, считает ненужным сообщить и род своих занятий. Тем не менее, становится ясно, что он великолепно владеет зырянским языком, разбирается в его грамматике, перевел на него «несколько повестей из Круммахера», ему также предлагается принять на себя труд перевести на зырянский язык труд из «какой-нибудь немецкой философской системы», а в одном из сел выясняется, что он приходится дальним родственником хозяйки дома, в котором путники находят приют. Одним словом, рассказчика сложно назвать заезжим путешественником, так же как и пространство путешествия - местностью, для него не знакомой. Тем сильнее, острее воспринимается акцент автора на собственной культурной инаковости, нетождественности с объектом его художественной и исследовательской рефлексии - сельским зырянским миром. Весьма показательны, что автоинтерпретация в тексте записок совмещается с оценкой пространственных образов и пространства. Этот способ воплощения авторского «я» можно объяснить жанровой логикой травелога, и в то же время обращает на себя внимание его широкое распространение в коми словесности того времени в целом. Вне сельского зырянского общества и пространства мыслит себя личный повествователь в документально-художественных произведениях М. Истомина «Ижма» и «Яг-Морт», Я. Попова «Очертания демонологии зырян», П. Кокшарова «Заметки о зырянском крае», Е. Кичина «Заметки о городе Устьысьольске» и др., а лирический герой «крестьянского» цикла стихотворений И. Куратова определяет себя как «карысь усьѳм» - букв. «упавший из города», вовлекая в определенные иерархические отношения город и деревню. Характерно, что и в рассматриваемых нами «Путевых заметках...» А. Попова движение происходит из города в деревню, и преодолеваемое путниками пространство изначально отмечено не только как провинциальное, периферийное, но еще и не городское. Автор не прибегает к открытому сопоставлению городского и сельского, в фокусе его внимания панорамные виды деревень и отдельные дома, придорожные пейзажи и сама дорога, внутреннее устройство зырянского жилища, внешность и одежда местных жителей, их нравственные устои и обычаи, но в постоянном за-текстовом, подразумеваемом сопоставлении с другой средой и культурой, с точки зрения другой системы знаний. Примером может служить архитектурный облик деревень, застроенных, по мнению рассказчика, без каких-либо представлений о геометрической гармонии: «Деревушка Визябож нагромождена безо всякого порядка на выдавшемся в реку небольшом мысу. Жители в ней помещаются в домах, построенных с совершенным отсутствием симметрии и правильности, все дома примыкают один к другому очень близко, но так, что опираются задом или углом, как будто непримиримые враги»; «селение Корткерос растянато от одного конца до другого версты на 4, не столько по многолюдству жителей, сколько по рассеянности домов без порядка построенных и отделенных большими промежутками»

и т.п. Постепенно складывается впечатление, что из всех рукотворных сооружений, которые могли и должны были встретиться за 120 верст пути, в текст записок попадают лишь свидетельства того, что «зыряне вообще мало знакомы с прочностью в каких-бы ни было перестройках или работах». В подобных описаниях косвенно заявлено существование иной среды обитания, гораздо более привлекательной для рассказчика присутствием «симметрии», «правильности», «прочности». Им не может быть что-либо иное, чем город, а рассказчик не может быть никем иным, как представителем городской культуры.

В то же время антиномия город-деревня в записках А. Попова не является основной, определяющей семантику выхода из своего локуса в иное пространство. С ее помощью объективируются более широкие и актуальные для автора противоположности - просвещение (цивилизация) и дикость. Поскольку путешественник находится в системе уже готовых, сложившихся до путешествия представлений, в которой зырянской провинции отведено место стороны малопросвещенной, он охотно дает оценки, но уклоняется от анализа хозяйственно-бытового устройства зырянской жизни. В тех случаях, когда комментариев не избежать, автор предоставляет слово самим туземцам или приводит их мнение. Так, непрочность «живых», «не безопасных даже для пешехода» переходов через ручьи и болотистые места крестьяне объясняют ежегодным разлитием весенних вод, а замечания рассказчика по поводу скромности пашен и частых неурожаев на Вишерской стороне встречают даже своеобразный отпор. «Зато Бог дал нам леса, наполненные всякого рода зверьями и птицами, а это составляет источник нашего продовольствия и богатства» - говорили они», - замечает рассказчик, который ни разу не пытается опровергнуть своих собеседников или согласиться с ними. Мнение туземцев повисает в воздухе, оно адресовано читателю, сам же путешественник остается к нему не сопричастным. В итоге, цитирование крестьянской точки зрения не столько создает образ местного человека, сколько способствует острашению путешественника от него. Рассказчик всегда смотрит если не сверху, то со стороны, всегда знает больше, всегда чувствует себя обладателем более правильных, «ученых» представлений о мире.

Любопытно, что и природные объекты перенесены в произведение со знаком научной беспристрастности и в то же время превосходства над окружением. Природа поражает путешественника «необыкновенной дикостью», в то же время подчеркнута лишена всякой экзотики и наводит на него «подавляющее уныние своей однообразностью, незанимательностью». «Низменные песчаные берега», «безобразные в дали лесистые высоты», «от берега растущий темный лес, перемешанный высокой, дикою травой» - характерные детали местного пейзажа, которые позволяют рассказчику сделать вывод о том, что «эти места природа отвела для царства диких зверей и хищных птиц». В большинстве случаев описания природных картин панорамны и довольно сдержанны, открывая читателю скупую обыкновенность северного ландшафта. Путешественник и его товарищ как бы лишены способности разглядывать природу в непосредственном контакте с ней, поэтому фрагменты окружающего мира с близкого расстояния видятся глазами проводников: «Работники наши нередко указывали то на лисицу или куницу, кои завидев нас, стремительно бросались в глубь леса; то замечали на деревьях резвую белку, которая спокойно занималась добыванием себе пищи из еловых шишек, грациозно сидя на задних лапах; то усматривали вдали глухаря, задумчиво сидящего на вершине высокого дерева, или рябчиков, порхавших в чаще леса». Редко когда рассказчик помещает себя внутрь изображаемого природного пространства, превращаясь из наблюдателя в участника, героя картины, тем самым нанося на общий, привычный фон индивидуальные качества конкретной местности. Однако и в этих случаях природная эмпирия имеет служебное назначение, объективируя посредством ландшафтно-атмосферических образов, скорее, путешествие во времени, чем портрет местности. Так, «прекрасный сосновый бор» приобретает в сознании рассказчика образ первозданного, доисторического леса: в нем «самые деревья двигались и прыгали в разных направлениях, как Фавны и Сатиры в священных рощах». А результатом описания грозы становятся рассуждения рассказчика о первобытности воззрений зырян, согласно которым молния - «не что иное, как нѳв - стрела, которая по Божию определению посылается в погоню за дьяволом, делающим вред плодородию земли, поражая на пути тех, кои бывают преданы ему...». «Кто бы решился противоречить подобному мнению о силе природы!», - с ироничной улыбкой восклицает ученый путешественник в конце своего рассказа. Итак, природные детали зырянского мира, так же как и рукотворные, олицетворяют вторую часть принципиально важной для образованного автора оппозиции «просвещение - дикость», придавая путешествию в пространстве (город → деревня, центр → окраина) значение путешествия во времени (цивилизация → первобытная дикость, настоящее → прошлое). Подобная концепция осваиваемого в ходе путешествия окраинного пространства - одна из наиболее стереотипных в истории травелога - особо характерна для колониальной его версии. Однако, в нашем случае путешествие по первозданным местам не становится компонентом, определяющим жанровую разновидность произведения. Как отмечалось выше, путешественник во многом напоминает экскурсовода и его позиция очень далека от позиции покорителя диких пространств. Позиционирующий себя вне непросвещенной зырянской провинции, он оказывается способным подняться до понимания ее самооценности, гибельности искусственного оцивилизовывания. Автор уделяет много внимания характеру зырян, находя в них исключительную честность, трудолюбие, гостеприимство, «склонность к умеренному образу жизни». Примечательно, что при раскрытии свойств «натуры зырян», автор активнее, чем в других случаях, прибегает к фабульным приемам, подтверждая оценочные высказывания рассказами о конкретных ситуациях и происшествиях, тем самым внося в произведение элемент самораскрытия персонажей и придавая отдельным фрагментам произведения новеллистический характер.

Среди «обыкновенных для зырян свойств» называется «способность и восприимчивость к лучшему», что, по убеждению автора, и дает надежду на «усовершенствование зырянами себя». Оценка зырянской провинции как пространства первобытного, дикого, но имеющего собственный потенциал к развитию, гармоничному движению к свету знания, и обуславливает оригинальность жанрового содержания произведения, выделяющегося в ряду многочисленных колониальных путешествий оригинальной аксиологией автора. Следует особо отметить, что зырянская провинция, несмотря на самоотстранение автора от нее, не возводится в статус иной культуры (иначе не был бы возможен мотив паломничества к зырянским святыням, заявленный в самом начале произведения), а лишь помещается в иерархическую модель «раньше-позже».

Вне сомнения, «Путевые заметки от Усть-Сысольска к Вишерскому селению» А. Попова обращены к традиции русского литературного путешествия. Обратим внимание: первые публикации произведений коми-зырянских авторов в печати приходятся на 1840-е годы, период укрепления в русской литературе принципов «натуральной школы». Известно, что ее поэтика «складывалась под влиянием задачи как можно более полного изучения и описания действительности, среды. Ориентация на достоверность, «проникновение научной методологии в работу художника, когда вымысел и полет фантазии уступают первенство наблюдению, сбору материала, его анализу, классификации» [Видуэцкая 1997: 7] стали почвой для появления массовой документально-литературной продукции, расширявшей представления соотечественников о своих, и в то же время «дальних землях». Эта родниоведческая модель нарративов, в том числе путевых жанров, и дала толчок творчеству провинциальных литераторов, имевших непосредственную возможность дать наиболее адекватное описание этих самых «дальних земель». В то же время, проделанный нами анализ позволяет судить о том, что жанр познавательного травелога в его региональном, областном варианте имел свою специфику, обусловленную особой аксиологией писателя-провинциала, в свете которой литературное открытие дальних земель сопровождалось осознанием ценности народов, их населяющих.

Список использованной литературы

1. Видуэцкая, И. П. Введение / И. П. Видуэцкая // «Натуральная школа» и ее роль в становлении русского реализма. - М.: «Наследие», 1997. - С. 3-8.
2. Попов, А. Путевые заметки от Усть-Сысольска к Вишерскому селению / А. Попов // Вологодские губернские ведомости. - 1848. - № 10-12.
3. Премудрый, Е. Житие Стефана Пермского (подготовка древнерусского текста Т. Ф. Волковой, О. Б. Рыбаковой, перевод Г. М. Прохорова) / Е. Премудрый // Святитель Стефан Пермский. Сер. «Древнерусские сказания о достопамятных людях, местах и событиях». - СПб.: «Глагол», 1995. - С. 50-263.

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА: К АНАЛИЗУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДВУХ НАЧАЛ В ЛИРИКЕ Д. ХАРМСА

Малыгина И. Ю.

Ставропольский государственный университет

Статья рекомендована к публикации д.ф.н., проф. Бронской Л. И. и к.ф.н., доц. Фокиным А. А.

В статье рассматривается специфика взаимодействия человека и природы на страницах лирики Д. Хармса. Основой философской позиции героя в текстах поэта-обэриуэта являются две мировоззренческие установки: векторная устремленность человека в небо и сращение его с землей. Узловой тезис работы - «человек в лирике Д. Хармса - центральное звено в цепи мироздания, медиатор небесной и земной стихий».

«Единство литературного героя - не сумма, а система, со своими организующими ее доминантами... Нельзя, например, понять и воспринять в его структурном единстве поведение героев Золя без механизма биологической преемственности или героев Достоевского без предпосылки необходимости личного решения нравственно-философского вопроса жизни», - таковы мысли Л. Я. Гинзбург относительно целостности героев в художественной действительности [Гинзбург 1979: 90]. Действительно, интерпретируя модель человека или концепцию личности в художественном тексте только на основе внешнего проявления персонажа (портрет, поведение, жесты, черты наружности, имя, вещное окружение), мы приходим к ряду значимых выводов, однако такой подход может привести нас к одностороннему взгляду на героя, что в результате не позволит нам познать саму суть субъекта исследования.

Человек существует в контексте: социальном, культурном, политическом, философском и т.д. Его целостность подвластна анализу только с позиции учета всей совокупности его особенностей, специфики и мировоззренческих установок. В литературном произведении внутренняя жизнь, интенции самого героя являются зачастую главным объектом исследования, раскрывая которые становится понятен более широкий содержательный план художественного текста.

В. Е. Хализев едва ли не главным аспектом в теории субъектной организации текста выделяет тот момент, что персонаж имеет в составе произведения значимость самостоятельную, независимую от сюжета (событийного ряда): он выступает как носитель стабильных и устойчивых (порой, правда, претерпевающих изменения) свойств, черт, качеств. Каждый герой имеет ядро личности (термин М. М. Бахтина), доминанту (определение А. А. Ухтомского), свою ценностную ориентацию. Сознание и поведение людей могут быть